

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**РЖЕВСКОЕ
ПЕКЛО**

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Ржевское пекло

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Ржевское пекло / С. И. Зверев — «Эксмо», 2021 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-155092-9

1942 год. В районе Ржева идут кровопролитные бои. На одном из участков фронта советское командование решает провести разведку боем. Костяк группы составляют танкисты лейтенанта Алексея Соколова, опытного командира, прошедшего со своим экипажем самое пекло войны. Отряд уходит в разведку и обнаруживает, что на линии фронта немцев нет. Враг организованно отступил, оставив лишь небольшое прикрытие. Нужно срочно сообщить в штаб, но по пути к своим посыльный погибает. Танкисты понимают, что они попали в окружение, вырваться из которого шансов почти нет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155092-9

© Зверев С. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Иванович Зверев

Ржевское пекло

© Зверев С.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Снег потемнел от копоти. Горели машины, дома, стога, стоявшие в степи и припорошенные снегом. Черными язвами вывороченной земли дымились многочисленные воронки.

Танковая рота лейтенанта Соколова вырвалась вперед и пошла на Васильевку со стороны Лосиной Балки. Боевые машины завершили обходной маневр и вместе со стрелковым батальоном атаковали сильно укрепленный узел обороны немцев. Приказ был лаконичен – взять Васильевку до темноты.

Позиции врага в селе намертво перекрывали единственную рокаду, по которой была возможна переброска войск. Еще в районе Васильевки находилась узловая станция, от которой отходили железнодорожные ветки на Ростов, Воронеж, Сталинград, Тамбов. Пока существовал гитлеровский узел обороны в Васильевке, советское командование не могло оперативно использовать войсковые резервы, а немцы имели возможность осуществлять доставку боеприпасов, горюче-смазочных материалов и техники. Еще сутки задержки, и прорыв войск вновь сформированного Юго-Западного фронта на этом участке захлебнется.

Рота развернулась для атаки и с десантом на борту и на волокушах двинулась по чистому полю к селу. Танкисты сразу ударили из пушек и пулеметов, пытались нащупать огневые точки, вскрыть систему обороны врага на этом участке. Минных полей с этой стороны, скорее всего, не было. Еще вчера разведка засекала беспорядочное движение немцев, отходящих к Васильевке по этому полю. Танки били по стогам, по подозрительным сараям и кучам снега, которые могли скрывать доты и дзоты. Но гитлеровцы не отвечали.

Соколов слышал по внутренней связи, как ругался Бабенко за рычагами командирской машины:

– Чтоб вам на том свете икалось! Что ж вы не стреляете, вражины? Сидишь тут как попугай в тире на жердочке.

Соколов понимал своего механика-водителя. От того в бою зависело очень многое, включая выполнение боевой задачи и жизнь экипажа. Сейчас, пока танки шли с десантом, Бабенко не мог маневрировать. В бою командир танка отдает приказ об общем направлении движения. Конкретный путь выбирает механик-водитель. Более того, во время атаки он ведет танк зигзагами, через каждые полсотни метров меняет направление, чтобы враг не мог вести по машине прицельный огонь, определяет маршрут, на котором не было бы необходимости сбрасывать скорость.

Этот человек каждую минуту ждет команды «короткая». Это значит, что появилась цель, которую нужно срочно поразить.

Угол наклона ствола танковой пушки ограничен. По горизонтали ее поворачивать приходится только вместе с башней. Руки наводчика во время боя работают очень энергично, вращают одновременно два маховика. Механик-водитель должен остановить машину так, чтобы наводчик смог прицелиться как можно скорее. После выстрела механик-водитель должен очень быстро тронуться с места. Неподвижный танк представляет собой прекрасную мишень для врага.

Сейчас Бабенко понимал всю собственную беспомощность, но ругаться ему пришлось совсем недолго. Немецкая оборона вдруг обрушилась на советские танки и пехоту такой шквал огня, что видимость мгновенно упала. В небо взметнулись сполохи огня от разрывов снарядов, взлетела черная земля, степь наполнилась дымом и угарной копотью. Сухой снег поднялся в воздух и повис белесым слепым туманом между темными разрывами.

Соколов открыл верхний люк и высунулся из башни по пояс, прикрываясь крышкой. Десант покинул танк, сзади болталась пустая волокуша, которую пехотинцы почему-то не отце-

пили. Другие машины Соколов видел плохо. Они мелькали в дыму и в сполохах разрывов. Десантников на броне не было.

– Внимание всем, я «Зверобой»! – прижимая пальцами ларингофоны к горлу, крикнул лейтенант. – Сбавить скорость, подавлять огневые точки. Пехота залегла. Приказываю ждать десант!

Соколов закрутился в люке, пытаясь разглядеть, где батальон. Если пехота прижата огнем и залегла, то одной ротой танков атаковать такой укрепленный населенный пункт будет как минимум глупо. Такая попытка приведет к потере всей техники и невыполнению боевой задачи.

Снаряд грохнул совсем близко. Взрывная волна ударила по крышке люка, которая чуть было не прихлопнула лейтенанта. «Зверобой» сразу остановился. Соколов похолодел. Неужели подбили?

Он переключился на внутреннюю связь через танковое переговорное устройство и сразу услышал в головных телефонах голос Бабенко:

– Дорожка!

Это сообщение механика-водителя говорило наводчику о том, что начинается ровный участок пути, где раскачивания корпуса будут минимальными. Сейчас появится возможность произвести прицельный выстрел. Танк продолжал движение на скорости почти в тридцать километров в час.

Сейчас!.. Соколов стиснул зубы.

Старшина Логунов не подвел, умудрился поймать цель на третьем легком покачивании корпуса.

– Выстрел! – раздался голос наводчика.

Тут же звонко ударила пушка, из люка потянуло вонью сгоревшего заряда, зажужжал вытяжной вентилятор. Другие танки роты тоже открыли огонь по огневым точкам врага.

Пехота поднялась и пошла вперед.

Соколов, собравшийся выбираться из люка, чтобы гнать батальон в атаку, облегченно выдохнул.

Среди разрывов нарастал гул двух сотен голосов. «Ура!» – неслось над полем. От этого единодушного крика на душе у лейтенанта становилось спокойнее. Три стрелковых роты неполного состава атаковали фашистов, прикрываясь танками.

Соколов увидел, как закрутилась на месте «тридцатьчетверка» с перебитой гусеницей. Резко вильнул в сторону другой танк, прикрывая собрата, давая возможность экипажу исправить повреждение.

Грянул выстрел, за ним другой. Танковые пушки без передышки били осколочно-фугасными снарядами. Интенсивность встречного огня заметно спала.

Черт возьми! Справа дымила «тридцатьчетверка». Члены экипажа вытаскивали товарища из переднего люка.

– «Двойка», «четверка», я «Зверобой», – крикнул по радиации лейтенант. – Закрыть правый фланг, подавить пулеметы!

Пехота несколько раз ложилась, но снова поднималась. С каждым разом все больше неподвижных тел оставалось на грязном закопченном снегу.

Танки маневрировали, били прямой наводкой по огневым точкам. До крайних домов оставалось всего несколько десятков метров, когда, ломая гусеницами плетеный тын, слева стали выползать немецкие Т-IV. Один, второй, третий.

– Внимание всем, я «Зверобой»! Танки противника! Захарченко, «пятерка», они к тебе в бок заходят! Разворачивайся немедленно!

Логунов развернул башню и сразу выстрелил. На сей раз старшина поторопился. Немецкий танк в этот момент остановился и тоже стал разворачивать башню в сторону советской

машины. Снаряд «Зверобоя» снес два бревна крайнего дома, и крыша осела. Немца засыпал сухой мусор.

– Короткая! – раздраженно крикнул наводчик.

Бабенко провел танк еще на несколько метров вперед, до ровной площадки. «Зверобой» снова замер на месте, лишь чуть покачивался на пружинных амортизаторах вперед и назад. Немецкий танк повернул свое орудие.

– Бронебойным! – послышалось в наушниках.

– Есть бронебойным! – отозвался заряжающий Коля Бочкин.

Время замерло, стало вязким и мучительно тревожным. Кто выстрелит первым? Не промазать!

Логунов опередил врага. Орудие «Зверобоя» звонко выплюнуло болванку. Из-под башни немецкого танка тут же полетели густые снопы искр. С расстояния в пятьдесят метров бронебойный семидесятишестимиллиметровый снаряд насквозь прошибает даже лобовую броню Т-IV. Тут же кто-то всадил второй снаряд немецкому танку в корму в районе двигателя. Полыхнула вспышка, в небо взметнулся язык пламени и черный шлейф копоти.

– Успел, молодец, Василий Иванович! – выкрикнул Соколов и переключился на радиосвязь. – Всем вперед! Внимание, в селе танки. Пропускать пехоту вперед!

«Тридцатьчетверки» рванули в село, ломая заборы, бревенчатые перекрытия огневых точек, шаткие строения.

Треск автоматов стал громче, начали рваться гранаты. Бой шел за каждый дом. В небо взлетели две зеленые ракеты. Командир стрелкового батальона показал, что зацепился за крайние дома. Это значило, что сейчас усилится нажим и со стороны шоссе, в бой пойдут основные силы. Немцам не удержаться.

Соколов повернул голову, хотел убедиться в том, что вся его рота вошла в населенный пункт и пехота не отстает от нее. Ствол пушки немецкого танка, торчавший из-за дальнего дома, он заметил лишь в тот момент, когда из него вырвалось пламя. Удар пришелся в моторный отсек, и «Зверобой» сразу встал, будто наткнулся на стену.

Лейтенант так стукнулся головой о край люка, что из глаз его полетели искры. Хорошо, что удар смягчил мягкий валик на шлемофоне.

Двигатель не работал. Башня разворачивалась в сторону врага. Но тут Соколов ощутил второй удар болванки. Снаряд угодил под самую башню и заклинил ее. Где-то рядом матерился Логунов, кричал, что не может повернуть башню. Бабенко, судя по всему, пытался растормозить Омаева и привести его в себя. Видимо, чеченец был ранен или просто оглушен.

– Всем покинуть машину! – приказал Соколов и тут же в страхе почувствовал, что его голос стал каким-то слабым.

Члены экипажа могли не услышать командира, а без его распоряжения танк никто из них не покинет.

Алексей проснулся в холодном поту на госпитальной койке и закрутил головой, глядя по сторонам. Нет, тот бой ему снова просто приснился, а темнота потому, что ночь. Лейтенант откинулся на подушку, вытер правой рукой с лица липкий пот.

Да, именно так тогда все и было. Он не справился, потерял танк и едва не погубил ребят. Хорошо еще, что Логунов действовал правильно. Он ведь не только наводчик орудия, но по уставу еще и командир танка. А «Зверобой» – всего лишь командирская машина. Если бы Логунов не продублировал приказ лейтенанта, то все сгорели бы в машине.

Соколов лежал, глядя в потолок, и вспоминал, как снизу в люке показалась безжизненно мотающаяся голова Коли Бочкина. Заряжающий был оглушен и еле шевелился, но Василий Иванович сумел подтащить его к люку и подать командиру. Соколов вытащил ефрейтора, потом помог самому Логуну, который был ранен и истратил остатки сил, спасая заряжаю-

щего. Потом они с механиком-водителем доставали Омаева, куртка на спине которого была в огне. От попадания последнего снаряда дизельное топливо разлилось и загорелось.

Что было потом, Соколов не помнил. Кажется, Бабенко тушил машину, а он сам стрелял из «нагана» в немцев, прикрывал своим телом раненых товарищей. Его левая рука онемела, в ней жарко пульсировала кровь. Потом рядом грохнул взрыв.

– Что, браток, не спится? – На соседней койке заворочался капитан-артиллерист. – Вот и я никак глаз не сомкну. Тебе еще лежать и лежать, а мне завтра на комиссию, выписываться. Тоже, понимаешь, сон не идет! – Капитан поднялся, накинул на плечи больничный халат и, тихо шаркая ногами в брезентовых шлепанцах, направился в туалет.

Алексей лежал и думал о том, что этого офицера завтра выпишут, он снова отправится сражаться с врагом, защищать Родину. А что ждет самого Соколова с двумя оторванными пальцами на левой кисти?

Комиссуют! Ответ, увы, был однозначным.

Но больше всего Алексея жгло осознание того факта, что он по своей вине оказался в госпитале. Из-за его ошибок пострадал экипаж.

Алексей вздохнул, поднялся с кровати, кое-как, одной рукой, накинул на плечи халат и побрел к двери. Надо было походить, замерзнуть, а потом лечь в кровать и согреться. Тогда он сможет уснуть. Не было у него никакой мочи лежать и погружаться в эти мысли о своей виновности, о комиссовании.

– Чего бродишь как тень? – в коридор вышел капитан Изюмцев, зябко запахивая халат. – Давай покурим, что ли, танкист?

– Ты же знаешь, что я не курю, – вяло отозвался Соколов.

– Эх, танкист, – Изюмцев усмехнулся и поскреб щетину на подбородке. – Вроде и воюешь с первого дня, и хлебнул жизни фронтовой, а не знаешь простых вещей. Покурить или посидеть за выпивкой – это не ради употребления табака и водки, а для общения. Это, Леха, обстановочка для удобства излияния души. Вижу, что ты маешься, места себе не находишь.

– Рука ноет так, что сил никаких нет, – угрюмо отозвался Соколов, поглаживая забинтованную кисть.

– Мне-то ты соврать можешь, но себя не обманывай. Это паскудное дело. Так далеко можно зайти. Пойдем-ка!

Алексей послушно пошел за капитаном к окну, встал, прислонился плечом к стене, стал смотреть на улицу за окном. Там тихо и спокойно шел снег. От этого на душе у лейтенанта становилось еще более муторно. Лучше бы пурга была, ветер хлестал.

Изюмцев закурил, затянулся папиросой, с шумом выпустил струю дыма в сторону форточки.

– Знаешь, вот так всегда, с самого начала войны, – заговорил он. – Когда бой, то работаешь спокойно, даже восторг какой-то в душе поднимается. Правильные решения в голове сами собой появляются, как из учебника выскакивают. А перед боем мандраж! Главное, не за себя. Я боюсь не погибнуть, а боевую задачу не выполнить, подвести командира, людей бездарно потерять, матчасть. Ты вот сберег своих. Они ранены, обожжены, однако в госпитале лежат, лечатся и жить будут. Молодец, честь тебе и хвала как командиру!

– Молодец, – угрюмо повторил Соколов. – Я в том последнем бою четыре машины потерял из своей роты, два экипажа сгорели.

– А можно было иначе поступить? – тут же спросил Изюмцев. – Ты сделал бы по-другому, если бы тебе дали возможность все назад отыграть? Нет? Вот то-то и оно! Долго нам с тобой это все на душе нести. За солдат своих, за весь народ. Каждый неверный шаг, любая наша ошибка, просчет в бою приводят к новым смертям. Гибнут люди, которые могли бы жить. Нам с тобой после войны в глаза их матерям, женам и детям смотреть. Они спросят нас, как мы их сыновей, мужей и отцов на смерть посылали.

– Мне это уже не грозит. – Соколов приподнял туго перебинтованную руку и показал ее собеседнику. – Отвоевался я. В лучшем случае пацанов буду в Осоавиахиме учить противогазы надевать, распознавать сигналы воздушной и химической тревоги, создавать группы самозащиты.

– А даже если и так! – Капитан со злостью раздавил окурочек в консервной банке, стоявшей на подоконнике. – И там фронт! У нас везде война, браток. А у тебя пальцы на правой целы, стрелять можешь. Значит, рвись в бой, просись, требуй пересмотра. Ты командир, для тебя главное, чтобы глаза были целы, голова! – Изюмцев замолчал, похлопал танкиста по плечу и ушел в палату.

Алексей продолжал стоять у окна и смотреть на улицу.

«Да, голова», – думал он о словах капитана-артиллериста.

Соколова терзали воспоминания о том, как он не заметил в дыму танк, который их подбил. Из-за него пострадали ребята, сам он теперь может оказаться негодным к строевой службе. Душа рвалась воевать, бить врага. Он хотел как можно скорее сокрушить огнем и гусеницами ненавистного врага и вместе со своей ротой ворваться в белорусский город Мосток.

Потом, когда кончится бой, Алексей увидит Олю. Она будет идти к нему по разбитой улице. Пусть так же, как и тогда, в старых кирзовых сапогах, слишком больших для нее, в отцовском ватнике. Любимая, самая красивая. Он не заметит ни сапог, ни ватника, будет видеть только ее глаза.

– Служивый, шел бы ты в палату, – послышался голос старой нянечки тети Маруси. – Рука не зажила, лихорадку подхватишь. Чего стоишь на холоде? Или болит так, что терпежа никакого нет? Доктора позвать?

– Нет, тетя Маруся. – Алексей покачал головой и грустно улыбнулся. – Болит не здесь.

– Понятно, дело молодое, – нянечка кивнула и сразу стала похожей на добрую деревенскую бабушку. – Зазноба в сердце! Но ты иди, ложись. Тебе выздоравливать нужно, сынок.

До войны Семен Бабенко работал инженером-испытателем в Харькове, участвовал в создании и испытании нового танка Т-34. Вот уже второй год он воевал, служил в строевых частях механиком-водителем, но все равно оставался сугубо гражданским человеком. Экипаж давно привык к этому. Да и командир танка старшина Логунов махнул рукой на невоенные особенности своего подчиненного, на то, что никак из Бабенко не получается подтянутый и бравый танкист. Получив приказ, он по-прежнему с улыбкой отвечал: «Хорошо».

Почти с первого дня, когда они стали одним экипажем, Семен Михайлович за всеми ухаживал как старший товарищ, если не отец. Молодым, вечно голодным Омаеву и Бочкину он подкладывал щей или каши из своей порции, добавлял им в чай сахар из собственных запасов. Бабенко старался получше укрыть спящих товарищей, расспрашивал о делах дома, очень искренне и тепло выслушивал их рассказы.

Душевным человеком был Бабенко, но надо сказать, что в деле ему не было равных. Экипаж «Зверобоя», за рычагами которого сидел Семен Михайлович, мог положиться на него в любом бою.

Вот и теперь в Саратовском эвакогоспитале номер 3309 Бабенко ухаживал за ребятами с таким желанием и энергией, что лейтенант Соколов никак не мог сердиться на механика-водителя своей командирской машины. Алексей знал, что Бабенко сдружился с завхозом госпиталя, помог ему разобраться с системой парового отопления здания, починить ее, да еще и трансформатор перебрал. За это завхоз выпускал Бабенко в город, снабжал его увольнительными записками. Патрулей на улицах было много.

Линия фронта проходила чуть ли не в пятистах километрах к западу, под Воронежем. Но в Саратове было много госпиталей и военных заводов. Волга служила важной транспортной артерией, рокадой для Красной армии, а железнодорожный мост был важнейшим стратегиче-

ским объектом. Через него с востока на фронт шли эшелоны с войсками, техникой, боеприпасами, снаряжением и всем, что нужно было армии.

Этот базар, расположенный недалеко от Волги, самый ближний к госпиталю, саратовцы по старинке называли Пешкой. На трамвае или с грузовичком, который возил белье из госпиталя, Бабенко доезжал до Соляной улицы, а потом шел по рядам. Сегодня он хотел купить Руслану Омаеву теплые носки. Чеченец выздоравливал медленно, да и досталось ему в последнем бою сильнее, чем другим. Ожогов много. Двигаться он пока не мог.

Ребятам тоже надо было купить чего-нибудь вкусного. Дорого все на базаре, да сержанту Бабенко свои деньги посылать было некому.

Многие военные отправляли свое жалование семьям. На фронте его тратить было не на что. Когда части отправлялись на переформирование, можно было в выездном военторге чего-то прикупить для души. В любом городе работали магазины и рынки. Но когда ты месяцами на передовой, в чистом поле и населенных пунктах, разрушенных до основания, тогда и самого простого не купишь.

– Семен, – послышался рядом женский голос.

Бабенко с готовностью обернулся. В глубине души он надеялся снова встретить на базаре ту самую женщину, которой помог три дня назад донести до дома картошку. У нее тогда порвалась сетка-авоська, и она заплакала, не зная, как ей управиться со своей покупкой. Танкист присел возле нее, над рассыпавшейся картошкой, улыбнулся и быстро завязал на узел разодранную сетку. Потом они собрали картошку, и он нес авоську в охапке, чтобы та же беда не приключилась снова.

Женщина назвалась Оксаной. Жила она одна, перебивалась случайными заработками. В военное время специальность учителя музыки не очень нужна людям, а больше Оксана ничего делать не умела. Кое-какие деньги матери приносил сын, курсант Первого Саратовского танкового училища, когда его отпускали в увольнение. Консервы, сахар и хлеб, которыми Бабенко намеревался побаловать своих товарищей в госпитале, он отдал женщине.

Они сидели на ее кухне в частном доме. За окном начиналась метель. Ему было очень вкусно пить горячий чай с сахаром и видеть, как теплеют глаза этой женщины.

В какой-то момент Бабенко сделалось стыдно за то, что он засиделся здесь, что его помощь этой женщине выглядит как-то небескорыстно. Он смущенно заторопился и ушел.

Потом танкист дважды приходил к дому Оксаны, смотрел издали в ее окна, но так и не решился подойти к калитке, постучать в окно. Теперь они снова встретились на рынке.

– Семен, мой сын убыл на фронт, – сказала женщина и посмотрела в глаза своему знакомому, будто ища помощи, поддержки. – Вы тоже танкист. Скажите, это страшно?

Бабенко переоделся, накинул халат, взял с собой вещмешок с покупками, вошел в свою палату и увидел возле кровати Омаева весь экипаж во главе с ротным.

Логунов повернулся, сделал не в меру строгое лицо и заявил:

– Вот когда ты снова попадешь в мои руки, Семен Михалыч, я семь шкур с тебя спущу за твои похождения. Пользуешься тем, что сейчас находишься в руках другого начальства, медицинского.

– Так я же ничего не нарушаю, – сказал Бабенко, развел руками и улыбнулся на свой обезоруживающий гражданский манер. – Увольнительную мне госпитальное начальство выдало, да и на глаза патрулям я не попадался. Я же тихонько, с пониманием.

– Как ее зовут? – осведомился Соколов и хитро прищурился.

– Кого? – Механик-водитель испуганно захлопал глазами.

– Ладно, – Алексей улыбнулся и поднял руку, призывая всех остановить шуточки в адрес Бабенко. – Закроем тему. Пока замечаний по дисциплине к сержанту Бабенко не имеется. А вот недовольство товарищей по экипажу как раз есть!

– Ребята, да вы что? – грустно проговорил Бабенко, усевшись на кровать в ногах Омаева и заглядывая всем в глаза. – Да я разве чего такого делал?

– Ты, Семен, вот что, – Логунов для солидности откашлялся в кулак, посмотрел на своих танкистов, как бы ища у них поддержки, и продолжил: – Прекращай эти свои барские замашки. У нас все поровну, что имеем, делим на всех. И беду, и радость, и НЗ. Если придется, то и смерть разделим. А ты повадился нас подкармливать за свой счет, подарки делаешь, как теща на масленицу. Я понимаю, что у каждого здесь есть семья, близкие люди, которым мы отсылаем большую часть довольствия. Нам здесь много не надо. А ты одинок.

– Да, Вася, – сказал Бабенко так тихо, что Логунов не стал продолжать. – Нет у меня никого. Только вы. Экипаж – моя семья, самые близкие мне люди. Что за грех такой, если я сбегаю на базар да по мелочи там отоварюсь? – Бабенко замолчал и стал выкладывать на кровать гостинцы.

Он вынул из вещмешка буханку настоящего ржаного хлеба домашней выпечки, три банки рыбных консервов, колотый сахар в бумажном пакете, три пачки папирос «Казбек» и шерстяные носки.

Логунов увидел такое богатство, поперхнулся, покачал головой и принялся почесывать затылок.

Семен Михайлович не сказал, что он чуть было не купил на базаре подарок для командира. Летные перчатки из настоящей кожи, на меху. Но механик-водитель вспомнил про изувеченную руку лейтенанта, и ему стало очень горько. Конечно, и без двух пальцев Соколов будет носить зимой перчатки, но сейчас они были бы лишним напоминанием ему об увечье. Бабенко хорошо понимал, что большая часть боли таится у Алексея внутри, в душе.

– Ребята, командир! – нарушил молчание Омаев, пальцы которого стиснули край одеяла. – А ведь нас выпишут в разное время. Кого раньше, кого позже. Меня, наверное, вообще последним. Разбросают нас по всем фронтам, по маршевым ротам.

– Да что ты, Руслан, – Бабенко похлопал чеченца по колену и сразу замолчал.

Возразить было нечего, прав был Омаев.

Соколов хотел было сказать, что он сам начнет добиваться, чтобы экипаж был отправлен в одну часть. Пусть Омаев потом туда же прибудет. Но командир роты вспомнил про свою руку. Его самого, скорее всего, отправят куда-нибудь в тыл. Экипаж может вообще сесть в обычную машину, не командирскую.

Вот тогда Логунов вздохнет облегченно. Именно ему труднее всего в бою. Почти на плечах у него командир роты сидит. Башня рассчитана на двоих, там заряжающему и наводчику не повернуться, а тут еще и лейтенант.

Но куда деваться? Командиры батальона и полка тоже имеют свои машины. Но они вполне могут обойтись без наводчика орудия. Их танки напрямую в бою, как правило, не участвуют. Если они и идут в атаку, то не в первом ряду. Эти офицеры боем руководят.

А что делать командирам взводов и рот? Они всегда на первой линии атаки. Тут уж сам выбирай, то ли тебе боем руководить, то ли орудие наводить. Ведь перед тобой немецкие танки, пушки и все такое прочее. Если твоя машина не будет стрелять и подавлять цели, то подбьют тебя наверняка в первые же минуты боя. Вот и приходится зачастую взводным и ротным садиться буквально на плечи своим наводчикам.

Многие, как и Соколов, когда получают машины, выбирают танки с шестигранной башней, которую называют гайкой. В прошлый раз лейтенанту повезло. На танке, подаренном фронту работницами уральского завода, была установлена экспериментальная цилиндрическая командирская башенка, обеспечивающая круговой обзор.

– Ну что, герои? – К кровати Омаева подошел лечащий врач Глеб Сергеевич. – Готовы еще к одной минуте славы?

Танкисты недоуменно посмотрели на улыбающегося врача, стоявшего рядом с ними и по привычке протиравшего мягкой тряпочкой очки в массивной роговой оправе.

Глеб Сергеевич выдержал паузу, прямо как заправский театральный режиссер, водрузил на нос очки и добавил:

– Я с утренней летучки от начальника госпиталя. Велено передать, чтобы завтра к десяти ноль-ноль все члены доблестного экипажа были умытыми и побритыми.

– Что за праздник намечается, товарищ военврач? – спросил Соколов.

– Ладно, чего уж секретничать, – Глеб Сергеевич понизил голос и пояснил суть дела: – Генерал приедет, будет награждать вас и еще несколько человек. Так что готовьтесь. Чтобы орлами выглядеть!

– Из меня орел не получится, – проговорил Омаев и поморщился.

– Ладно, горец! – строго сказал врач. – Не раскисай. Поставлю я тебя на ноги, еще повоюешь! Настоящие орлы, они, знаешь ли, всегда в небо возвращаются.

Воскресное утро было не по-зимнему ярким. Февральское солнце уже заметно припекало через оконное стекло. Руслан Омаев, уставший лежать, измучившийся от тоски, протянул руку и положил ладонь на ту часть одеяла, где замер луч. Одеяло было приятно теплым.

Парню сразу вспомнилось детство: лето у бабушки в горном ауле и вот такое же утреннее солнце, которое подбиралось к спящему мальчику по шерстяному одеялу. Иногда он чувствовал сквозь зыбкий утренний сон, как луч касался его пальцев, перебирался на локоть и двигался выше. Потом он добирался до лица, Руслан просыпался, и лицо его озарялось улыбкой. Его ждал новый день, много открытий и интересных дел.

Детство, как давно ты было! Несколько лет назад? Нет, еще до войны.

Это страшное событие разрубило привычную счастливую жизнь всех советских людей, отняло у них близких и любимых. Но самое страшное состояло в том, чтобы жить и понимать, что уже никогда не будет того, что было до войны. Мир необратимо изменился, люди стали иными. Кто-то говорил, что вот закончится война и мы снова заживем мирной счастливой жизнью. Нет, этого не будет. После таких ран и увечий, которые остались в душе, люди до конца дней своих испытывают боль. Порой совершенно невыносимую.

В назначенное время в госпиталь прибыл представитель штаба фронта. Генерал-майор Мостовой был крупным, довольно шумным мужчиной, как и все люди такого серьезного калибра. Все пространство вокруг себя он заполнял своей массой и громовыми раскатами командного, хорошо поставленного голоса.

Медицинское начальство сняло белые халаты, переделось для такого торжественного случая в парадную армейскую форму и сопровождало высокого гостя по палатам. Эта торжественная процессия при своем появлении вызывала улыбки даже у тяжелораненых, поднимала настроение тем людям, которые начинали отчаиваться.

Дошла очередь и до танкистов.

Заместитель главного врача предложил провести церемонию награждения экипажа «Зверобоя» в актовом зале, а Омаева, который еще не мог встать, чествовать потом, отдельно.

Услышав это, Соколов сразу возмутился и заявил:

– Нельзя этого делать, поймите вы! Он член экипажа. Мы второй год в одном танке, чудом вышли все вместе из последнего боя! Как же можно отдельно? Что будет чувствовать Омаев, лежа в палате, зная, что его товарищей поздравляют, а он остался один?

Мостовой присутствовал при этом разговоре.

Он повернулся к Соколову, положил ему на плечо свою сильную широкую ладонь и произнес:

– Молодец, командир! Дело говоришь. Так нельзя, ибо это и есть фронтовое братство. Экипаж, он как семья. Вместе и есть, и спать, и на смерть, и в герои! А ну, пошли все в палату, где твой танкист лежит.

– Мы не готовились там проводить церемонию, – промямлил заместитель главного врача. – Простите, товарищ генерал, но обстановка в палате не совсем торжественная, запах и все такое. Там у нас лежачие...

– Эх, военврач, – тихо сказал Мостовой и с сожалением покачал головой. – Думаешь, только у тебя здесь запах, раны и боль? А сколько мы там, на передовой, ежедневно хлебаем и крови, и вони, и смерти. Да, может, этим ребятам, которые у тебя в той палате умирают и жить хотят, эта церемония нужнее, чем нам с тобой и даже героям этого вот мальчишки-лейтенанта! Они видеть должны, что Родина с ними, что их помнят, о них думают! Пошли в палату!

Сопровождающие не успевали за генералом, шагавшим широко и размашисто. Лишь у палаты он сбавил обороты, пропустил вперед себя заместителя главного врача.

Двери распахнулись, и в палате сразу воцарилась удивительная тишина. Никто из раненых не знал, что генерал навещает к ним. Многие пациенты сами не могли посетить торжество с награждением, лежали и рассуждали о том, что вот повезло кому-то. Получить награду на поле боя почетно, конечно, а в госпитале, когда тебя сам генерал уважил и приехал, это вдвойне приятно.

– Что приуныли, герои? – громогласно осведомился Мостовой и улыбнулся широко, открыто.

В палате сразу не осталось ни одного хмурого или просто серьезного лица. Была у генерала удивительная способность располагать к себе людей с первого взгляда и слова. Улыбались и перемигивались между собой даже те раненые, которые страдали от боли и не надеялись на выздоровление. Дескать, сразу видно фронтовика. Боевой генерал, знает нашего брата!

– Ну, что бойцы, – продолжил генерал, оглядывая палату. – Не буду томить вас. Я пришел сюда не просто так, должен вручить заслуженные награды тем храбрецам, от чьих подвигов фашистам до сих пор икается. Так будет и дальше, до самого их смертного часа. Если все так будут сражаться, как экипаж командирского танка лейтенанта Соколова, как вот этот чеченский парень, радиотелеграфист-пулеметчик Омаев. А остальные где, товарищ военврач?

– Здесь они, – послышался голос за спинами медиков и легкораненых, толпящихся у двери. – Весь экипаж в наличии, товарищ генерал.

В честь такого праздника все раненые, которые должны были получить награды в этот день, надели свежее нательное белье.

Несмотря на это, на чисто выбритые лица, на запах одеколona, флакончик которого экипажу подарил главврач госпиталя, Соколов вдруг почувствовал себя неуютно и даже застыдился. На него вновь накатила тоска. Вот он, раненый, искалеченный. Пусть всего двух пальцев лишился, но из-за этого его могут комиссовать. Ребята оказались в госпитале по вине командира.

А генерал с ними как с героями. Вон какой плечистый, здоровенный. Китель на нем едва по швам не трескается. Вся грудь в орденах.

Алексей смущенно опустил голову. Он, как и положено командиру, стоял крайним правым в строю экипажа.

Генерал, кажется, понял состояние молодого лейтенанта. Он повернулся было к майору, приехавшему с ним, но замер на миг, снова посмотрел на танкистов, потом на раненых бойцов, лежавших в палате.

– Сегодня, товарищи, я мог бы просто зачитать вам слова из наградного дела этого танкового экипажа, – проговорил Мостовой. – Да, они проявили мужество и героизм в бою. Но мне хочется сказать о них больше. Не просто о том, что атака танковой роты лейтенанта Соколова вместе со стрелковым батальном позволила быстро захватить важный и хорошо укрепленный

пункт обороны немцев. Обычная боевая работа. Так скажут многие фронтовики, которые с июня сорок первого года находятся на передовой, в самой гуще огня. Но я скажу больше. Танкисты лейтенанта Соколова воюют так всегда. Знаете, что произошло у Васильевки? Танковая рота этого умного, решительного командира в тот день сделала почти невозможное. Она дала командованию возможность взять Васильевку с наименьшими потерями, разгромить фашистов, захватить неповрежденными железнодорожный узел, трансформаторную подстанцию и водокачку. Это значило, что мы смогли заправить машины, перебросить резервы, накормить и напоить своих солдат, дать им возможность передохнуть в тепле. – Генерал все же достал из папки выписку из наградного листа, но тут же сунул ее назад и стал опять говорить своими словами, не прибегая к казенному штабному языку: – Танкисты атаковали Васильевку с ходу. Перед этим они выдержали неравный бой и вышли из него без потерь. Все благодаря таланту своего ротного командира и боевому мастерству всех танкистов. Потом был марш по пересеченной местности. Снова без потерь и поломок. Эти ребята сами сделаны из стали, как и броня их танков. К вечеру предыдущего дня рота лейтенанта Соколова прикрывала смену позиций своей части. Фактически они связали боем немецкие танки, прорвавшиеся в наш тыл в результате контратаки. Еще немного, и под гусеницами фашистов оказалась бы автоколонна с нашими ранеными бойцами, следовавшая в тыл. Действовал Соколов грамотно, как учили. Он сам много чего перенял у старших товарищей, воюя с первого дня войны, постигая непростую науку побеждать. Лейтенант заманил немцев в засаду, а потом открыл огонь. В учебниках танковых школ ничего такого нет. Это дает только опыт. Командир роты так расположил свои машины, что по каждому немецкому танку стреляли два-три наших. Это дало возможность наверняка поражать фашистов с первого выстрела. Да, был риск, что немцы откроют ответный меткий огонь. Ведь расстояние было меньше трехсот метров. Но советские танкисты, как и всегда, оказались на высоте! На поле боя остались все двадцать два немецких танка, прорвавшиеся в наш тыл. Никто не ушел! Вот так и надо бить врага! Вот за это вам, сынки, низкий поклон нашего советского народа. Командование награждает вас орденами Красной Звезды! – Генерал шел вдоль короткого строя танкистов, вручал каждому коробочку с орденом и пожимал руку. – Спасибо, хлопцы! Благодарю вас, орлы! Горжусь вами! – Потом генерал подошел к кровати Омаева, положил ему на грудь коробочку с наградой и прижал ее рукой раненого танкиста, положил сверху свою широченную ладонь. – А ты что раскис, джигит? Давай не хандри да выздоравливай поскорее! Не забыл еще, как в немецком тылу свой экипаж выручал из беды, как вы свою машину из плена вызволили и целую роту вывели к нашим? Благодаря тебе! Лечись, не оставляй своих ребят.

– Я обязательно вернусь в строй, товарищ генерал! – заявил Руслан. – Пока фашист топчет нашу землю, я не успокоюсь.

– Вот теперь верю, – сказал Мостовой, улыбнулся и пожал танкисту руку.

Генерал выполнил все дела, намеченные в госпитале, и собрался уезжать.

В коридоре к нему неожиданно подошел тот самый лейтенант Соколов с перевязанной рукой, которую он, как ребенка, прижимал к груди.

Подойдя к Мостовому, офицер вытянулся, опустил руки по швам.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор?

Мостовой снова уловил что-то затаенное в глазах молодого командира. Он кивнул, велел всем сопровождающим идти к машинам, а сам остался с Соколовым наедине.

– Слушаю тебя, танкист!

– Товарищ генерал, я понимаю, что нарушаю установленный порядок, – проговорил Алексей, сбиваясь, нервно сжимая и разжимая правый кулак. – Но у меня нет другого выхода, мне не к кому обратиться, а время идет. Понимаете, я должен быть уверен, мне нужно знать это сейчас!

– Вот те раз! – Брови генерала удивленно взлетели вверх, но лицо его тут же стало строгим и начальственным. – Товарищ лейтенант, оставь мямлить! Приказываю четко и коротко, как подобает боевому командиру Красной армии, доложить причину обращения!

Где-то на улице протяжно завывли сирены. Алексей машинально посмотрел в окно, за которым выздоравливающие бойцы убирали фанерными лопатами снег с дорожек, снимали с гужевой повозки узлы нательного стираного белья. Кое-кто посматривал на небо, но особого беспокойства никто не проявлял. Все уже привыкли к налетам немецких самолетов на железнодорожный мост через Волгу.

– Виноват! – сдерживая нахлынувшее волнение, снова заговорил Соколов. – Мне обязательно нужно остаться в строевой части и сражаться с фашистами. Товарищ генерал, вы же понимаете, что два пальца на левой руке для командира роты не так важны, как для пулеметчика, механика-водителя или летчика. Меня комиссуют лишь потому, что положено это с таким увечьем. Но ведь можно по-человечески ко мне отнестись, пойти навстречу. Я готов рапорт написать хоть на имя самого товарища Сталина!

– Спокойнее, лейтенант! – заявил Мостовой и строго посмотрел на танкиста. – Товарищу Сталину он решил писать. Думаешь, ему есть время читать такие письма? Ладно, я понял тебя. Подумаю, что можно сделать.

Глава 2

Полуторка застряла в снегу, соскочила с проселка в кювет. Все попытки вытолкнуть машину не приводили к успеху. Капитан Слюсарев сорвал голос, выкрикивая команды, но десяток красноармейцев из комендантской роты ничего не могли сделать.

– Черт тебя подери! – хрипло выругал простуженный капитан виновато понурившегося шофера. – Дороги не видишь? Или руки дрожат?

– Так скаты лысые совсем, товарищ капитан, – снова начал бубнить немолодой водитель. – А вы все гнать приказывали. Нешто такими скатами дорогу удержишь?

– Так, бойцы! – перебил шофера капитан и повернулся к солдатам. – Делать нечего. Нами получен приказ к двенадцати ноль-ноль выйти к деревне Зуевка, занять позицию и скрытно ждать появления разведывательно-диверсионной группы противника. Упустить врага мы не имеем права. Фашистская нечисть и ее пособники из числа изменников Родины пробираются к нашим оборонным заводам, к складам с продовольствием и, самое главное, к стратегически важному объекту – железнодорожному мосту через Волгу. Если мы не выполним приказ, не успеем вовремя прибыть в указанное место, то враг уйдет. Тогда может случиться страшное! Фронт для нас сейчас здесь, в глубоком тылу, где куется наша победа! Ненавистный враг это знает. Нам предстоит за два часа преодолеть расстояние почти в двадцать километров. Двигаться придется почти всегда бегом. Если кто отстанет, не сможет бежать, то мы не сможем вас ждать! У нас не будет времени на то, чтобы помочь вам. Я хочу, чтобы каждый понимал это. А сейчас всем снять шинели! Пойдем налегке.

Солдаты торопливо стали стягивать шинели и забрасывать их в кузов полуторки. Они ремнями перетягивали телогрейки, поправляли патронные сумки.

К командиру подошли два молодых красноармейца, вытянулись по стойке смирно.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан? – звонким мальчишеским голосом сказал один из них.

– Что тебе, Тягунов? – офицер хмуро окинул взглядом тщедушную фигуру.

– Товарищ капитан, разрешите попробовать нам с Герасимовым в деревне найти лыжи и пройти до Зуевки напрямик. Деревня по дороге впереди, всего в километре. Если получится, то мы будем там раньше всех и сможем задержать диверсантов.

– Ты? С Герасимовым? – Слюсарев недоуменно посмотрел на парней.

Оба щуплые, невысокие, по внешнему виду никак не обладающие силой и выносливостью.

– Да вы хоть умеете на лыжах бегать?

– Умеем, товарищ капитан, – проговорил второй боец, торопясь все объяснить. – Мы же лыжники, а не грузчики. И стрелять умеем.

– Да вы после такого марша, пусть и на лыжах, в небо не попадете! – отмахнулся капитан. – У вас руки и ноги дрожать будут.

– Мы учились бегать и стрелять, – с обидой в голосе проговорил Тягунов. – У нас друг есть, он сын немецкого антифашиста. Его отец в тридцать шестом году должен был участвовать в Зимних Олимпийских играх в Германии. Только не в олимпийском виде спорта, а в демонстрационном показе.

– Да, – поддержал друга Герасимов. – Это были соревнования военных патрулей, гонка на лыжах с тяжелым ранцем за спиной и стрельба из винтовки. Антифашисты готовили выступление, в процессе которого хотели обличить нарождающийся нацизм в Германии, показать миру, что коричневая чума надвигается. Но гестапо добралось до них раньше. Отец нашего друга сумел бежать в Советский Союз. Он рабочий, занимался с нами!

– Так, стоп! – Слюсарев поднял руку. – Так вы умеете быстро бегать на лыжах и метко стрелять? У вас что, есть значки ворошиловских стрелков?

– Не успели сдать нормы на значок. Но мы готовы, у нас получится. Разрешите, товарищ капитан?

– Ладно, – Слюсарев, покусывая губу, смотрел на молодых ребят.

Он считал их ни на что не годными солдатами, тщедушными, совершенно неспортивными. После призыва они попали не в строевую часть, а в комендантскую роту.

«А ведь это выход, – понял вдруг капитан. – Если эти парни успеют добраться то нужного места первыми, то пусть не задержат, не уничтожат диверсантов, но хоть спугнут их, заставят изменить маршрут движения. Да просто стрелять начнут, шум поднимут, а это уже не так и мало».

– Комсомольцы? – строго спросил Слюсарев.

– Так точно! – хором отозвались красноармейцы.

– Вот что, братцы, – капитан понизил голос. – Верю в вас! Видите, застряли мы тут. Трудно успеть нам к поселку в назначенное время. А без этого вся операция может полететь в тартарары! Уйдут эти гады! Вы успеете, хоть как-то задержите врага, если увидите его. Стрельбу поднимите, кричите громче, чтобы видимость была, будто вас там взвод или даже целая рота. А мы постараемся напрямик, по снегу!

– Мы поспеем, товарищ капитан, – заверил командира Тягунов. – Можете на нас положиться!

– Давайте, хлопцы! Только в направлении не ошибитесь!

– Мы умеем по азимуту ходить! – бодро проговорил Герасимов и вслед за другом вскинул ладонь к шапке-ушанке.

Красноармейцы повесили винтовки на шеи и поспешили к поселку. Они то бежали, то переходили на быстрый шаг. Дорога, укатанная колесами грузовиков и гусеницами тракторов, была удобнее, чем снежный наст, на котором то и дело проваливались ноги.

– Валька, ты что удумал? – спросил Герасимов друга, когда они удалились от своего подразделения. – Ты же не дойдешь, у тебя нога толком не срослась после перелома.

– Раз выписали, значит, срослась, – сказал Тягунов и через силу улыбнулся. – У нас с тобой приказ, Мишаня, мы не можем подвести командира, товарищей. Что будет, если диверсанты пройдут к мосту, к какому-нибудь военному заводу?

– Не можем! – проворчал Герасимов. – Вот упадешь ты и встать не сдюжишь. Капитан Слюсарев думает, что ты здоров. Будет надеяться. Понимаешь, что ты натворил?

– Я дойду, Миха, – со злостью ответил Тягунов и прибавил шаг. – Смотри, вон школа на крайней улице. Там точно есть лыжи у учителя физкультуры. Обязательно!

Школьный сторож, фронтовик лет сорока без одной ноги, ковыляющий на самодельном протезе, сначала отнесся к словам солдат недоверчиво, даже проверил у них документы. Мало ли, может, дезертиры, а то те самые диверсанты и есть. Они хотят уйти от погони на лыжах через лес. Но потом сторож решил, что диверсанты не стали бы просить. Они просто прирезали бы его в школьном дворе, забросали бы тело снегом, а потом забрали бы лыжи и тихо.

Он посмотрел в глаза молодым солдатам, кивнул и сказал:

– Верю, сынки! Понимаю, дело такое! Отдам лыжи, а потом с меня пусть три шкуры спустят. Война, она и в тылу война.

Километров через десять Тягунов начал отставать. Его друг оборачивался и смотрел на измученное лицо Валентина, видел, как тот закусил побелевшую губу и продолжает размеренно идти привычным лыжным шагом. Сколько они за последние два года отмахали вместе по пересеченной местности! Теперь это их умение пригодилось для выполнения боевого задания. Но Валька уже терял силы, нога его подводила.

Герасимов остановился поперек лыжни, преградил другу путь и сказал:

– Вот что, Валек, ты ведь знаешь, чем мы рискуем. Ждать не буду, даже не спорь. Я пойду вперед так быстро, как только смогу. Догонишь – хорошо. Нет, значит, буду справляться один. Я продержусь, ты не сомневайся.

– Давай, Миха, – хрипло проговорил Тягунов и сплюнул на снег. – Я только вот в ритм войду. Нога немного того, но это пройдет. Я догоню тебя!

Красноармеец Михаил Герасимов успел вовремя. Он скатился с опушки леса по снежному насту и рухнул на бок, потому что ноги совсем не держали его. Почему-то на тренировках у парня все получалось хорошо и просто. Идешь размеренно, машинально отсчитываешь примерный километраж по меткам, заранее оставленным на маршруте, или просто помня карту. Потом выходишь на огневой рубеж. Там уже ждут судьи, расстелен брезент. Ты сбрасываешь учебную винтовку и ложишься на брезент уже с боевой. Пять выстрелов – полная обойма, а потом последний рывок к финишу.

Сейчас сердце у Герасимова колотилось так, что готово было вырваться из груди. Руки дрожали, а спина была мокрой.

Михаил понимал, что лежать нельзя. Он приподнялся на руках, намереваясь встать и найти удобную позицию, которая скрывала бы его самого и откуда он видел бы все поле и ближайший лесок.

Но Герасимов тут же снова поспешно упал грудью на снег. Руками в армейских трехпалых перчатках он стал разводить стебли кустарника. Шапка налезла на лоб, закрыла один глаз. Красноармеец снова отпустил куст, поправил шапку, подтянул к себе винтовку и лихорадочно нащупал на поясе подсумок с тремя обоймами.

Всего пятнадцать патронов, а на трех телегах, которые только что вывернули из-за лесочка, сидели шесть человек в тулупах и стеганых телогрейках. Один был в форме красного командира, а еще двое – в милицейской.

Вот этого Герасимов никак не ожидал. А если это не диверсанты? Вдруг и правда свои, милиция с помощниками из местного населения? Они тоже едут по заданию, ловить тех же самых диверсантов? А как это проверить, понять, что они свои?

Подпускать их к себе никак нельзя. Если это враги, то они убьют одинокого красноармейца в два счета, и никто даже не узнает о том, что здесь произошло.

– Эй, приказываю вами остановиться! – срывающимся от волнения голосом закричал Герасимов. – Всем оставаться на месте! Старший ко мне! При неподчинении отдам приказ стрелять на поражение! Взвод, приготовиться!

По своей неопытности молодой красноармеец, вчерашний школьник, просто не знал, что так дороги не перекрываются.

Однако это хорошо знали те люди, которые сейчас ехали на подводах. Их окликнул совсем не командирский голос. Это значило, что там, в кустах, лежали неоперившиеся солдаты или местные добровольцы из истребительного батальона. Бывалые оперативники или армейские командиры подпустили бы подводы вплотную, будь у них целый взвод за спиной. Потом они ударили бы залпом или выскочили бы, окружили, наставили оружие и взяли бы живыми.

Герасимов каким-то внутренним чутьем понял, что это враги. Не остановились, не стали кричать в ответ, что мы, мол, свои. Ехали молча, только потянули из-под соломы и брезента автоматы и винтовки. Расстояние сокращалось, а подпускать их близко было нельзя.

А вдруг все же свои? Стрелять тоже нельзя.

Красноармеец оттянул затвор, достал из подсумка обойму с патронами. Мазать – слишком большая роскошь, стрелять надо сразу точно. С таким арсеналом бой продлится пять минут, никак не больше.

Тут в душе парня проснулись злость и отчаяние. Ведь он не должен пропустить врага! Придется сейчас зря истратить один патрон, но после этого сразу все станет понятно.

Хорошо смазанный затвор скользнул на место, загнал блестящий патрон в патронник. Трехлинейка удобно и привычно легла в ладонь, локоть чуть провалился в плотный снег.

Герасимов приподнял лицо так, чтобы звук шел в сторону людей, подъезжающих к нему, и снова закричал, но теперь уже уверенно и со злостью:

– Остановиться! Сойти с подвод и поднять руки! Старшему подойти ко мне! Считаю до трех и приказываю открывать огонь!

Шестеро мужчин попрыгали в снег, схватили с телег оружие. Трое потянули поводья, остальные стали настороженно смотреть по сторонам, искать спрятавшихся солдат. Герасимов хорошо видел три винтовки и столько же автоматов «ППШ». До врагов было всего метров сто. Они не останавливались, лишь чуть придержали лошадей.

Молодой красноармеец с шумом выдохнул и прицелился. Все же надо дать им шанс. Или использовать собственный. А вдруг это все же свои?

Герасимов чуть повел стволом и выстрелил в снег у ног человека с автоматом, который, судя по всему, был главным в этой группе. Пуля подняла столб белесой пыли.

Боец поднял голову, снова хотел крикнуть этим людям, чтобы они остановились и положили оружие. Но тут автомат и две винтовки ударили по кустам, за которыми лежал красноармеец. Две пули впились в снег возле его головы, еще несколько с противным воем пролетели над ней, сбивая ветки кустов.

Шестерка врагов рассыпалась впереди и стала перебежками приближаться к Герасимову. Они не боялись стрелять, наделать шума. Им нужно было как можно быстрее прорваться через этот нелепый кордон. Диверсанты не исключали, что дорогу им преградили всего два-три человека. Ведь их тут не должны были ждать. Они так тщательно путали следы и меняли направление, что угадать маршрут группы чекисты не могли.

Мушка послушно сошлась с целиком. Герасимов почему-то был спокоен. Страх ушел, дрожь в руках исчезла. Осталось только холодное и твердое желание не пустить врага дальше. Четырнадцать патронов? Ну и ладно. Значит, он будет бить врага, пока жив.

Красноармеец прицелился и выстрелил. Диверсант заорал от боли, упал и схватился за ногу. Остальные пятеро открыли ураганный огонь и разошлись в стороны еще шире. Герасимову повезло хотя бы в том, что враги так пока и не поняли, что он был тут один. Они вели огонь не только туда, откуда раздались два выстрела, но и по всем подозрительным местам. Еще две пули сбили ветки над головой.

Герасимов снова прицелился, нажал на спуск, промазал и сразу испугался. А если он будет промахиваться снова? Вдруг его ранят и он не сможет стрелять прицельно?

Отставить панику!

Михаил дал два выстрела подряд и точно в кого-то попал. Но теперь он должен был перезарядить свою винтовку.

– Ничего, – прошептал он, лежа на боку. – Теперь их там только четверо осталось.

Тягунов шел на выстрелы. Он уже понял, что стреляет его друг, а ему отвечают другие винтовки и автоматы. Не могли ребята из их взвода подойти так быстро! Значит, Миха там ведет бой один.

Последние шаги давались ему особенно тяжело. Вскоре он на негнущихся от усталости ногах подошел к толстой неровной березе, стоявшей на косогоре, и прижался к ней. Грудь Валентина вздымалась и опадала, он все никак не мог восстановить дыхание.

А там, внизу, всюду шел бой. Он хорошо видел темную фигуру своего друга на снегу за кустами и четырех диверсантов, которые окружали его со всех сторон.

Как помочь, чем? Расстояние велико, больше двухсот метров! Но сейчас не важно, будешь ли ты попадать во врагов. Надо дать им понять, что Миха там не один, к нему подошла помощь.

Скорее, скорее!

Тягунов бросил лыжные палки, стащил с шеи винтовку и положил ее на толстую ветку березы. Хорошо, что нашлась такая на нужной высоте. Руки парня дрожали и прыгали от усталости, удержать оружие на весу ему было бы уже сложно.

Тягунов дернул затвор, загнал патрон в патронник, быстро прицелился и выстрелил. Он ни в кого не попал, да это и не важно было. Красноармеец истошно прокричал несуществующей роте команду окружать противника и открывать по нему огонь. После этого он снова выстрелил.

Диверсанты сначала залегли, а потом бросились назад к своим телегам. Тягунов расстрелял вторую обойму, когда наконец-то понял, что враги больше не бегут, не отстреливаются. Они бросили оружие и стоят, высоко задрав руки.

Через поле бежали, падали, вставали и снова бежали бойцы их роты. Их возглавлял капитан Слюсарев.

Позади, на краю поля, стояла «тридцатьчетверка», взявшаяся там непонятно откуда. На ее башне белела надпись «Зверобой».

Только тогда Валентин опустил разгоряченный лоб на ветку, ледяную от мороза.

Неужели смогли, успели? Он сам пришел на помощь Мишке? Значит, справились, не подвели капитана!

– Вот так бывает на войне, – тихо сказал Слюсарев, когда Валентин подошел к кустам и замер над телом друга. – Он ведь подвиг совершил, Тягунов. Один, не ожидая помощи, не зная, успеет ли мы вовремя. Завязал бой, задержал диверсантов и погиб как герой. Эх, пацаны!

Валентин опустил на колени перед другом. Герасимов лежал лицом вниз. Из его темени вытекло много крови. Снег возле головы стал красным и пенился.

Тягунов хотел было повернуть товарища на спину, но не решился. Он боялся увидеть мертвое лицо друга. Это же так страшно. Всего тридцать минут назад они шли рядом и разговаривали. Валентину трудно было поверить в то, что он никогда уже не увидит Мишку живым. Никто не увидит, даже его мама Валентина Матвеевна.

Над навесами открытого рынка поднимался белый пар от дыхания десятков людей, лошадей. Где-то рядом урчал мотор полуторки. Жизнь кипела в торговых рядах, несмотря на морозное утро. Женщины, закутавшиеся в большие платки поверх старых изношенных пальто, мужики в потертых полушубках или засаленных телогрейках. Вся эта масса людей перемещивалась между рядами. Снег скрипел под валенками и кирзовыми сапогами, многоголосый шум стоял такой же ощутимо плотный, как и пар из сотен ртов.

Торговали тут в основном старьем и продуктами из собственных погребов. Всем тем, что было выращено на огородах летом, связано женскими руками из пряжи, извлеченной из старых запасов, хранящихся в бабкиных сундуках.

На рынке хватало и людей в военной форме с эмблемами самых разных родов войск на петлицах. Это было более чем естественно для тылового города, в котором располагались несколько госпиталей и работали многочисленные оборонные предприятия.

Бабенко шел по базару в надежде раздобыть продуктов на сегодняшний вечер. Ему хотелось угостить друзей хорошим ужином с вареной рассыпчатой картошкой, тонко нарезанным салом и черным хлебом. Хорошо было бы под такое угощение и по рюмочке выпить, но если за этим занятием экипаж застанет кто-то из начальства госпиталя, то Бабенко не помогут никакие связи. Нарушение режима в госпитале наказывается так же строго, как и в воинской части,

находящейся на передовой. За это запросто можно и в дисбат загреметь. А уж на гауптвахту после излечения – это точно!

– Семен! – вдруг раздался совсем рядом чей-то простуженный голос. – Бабенко, ты ли это?

Танкист обернулся и с удивлением увидел инженера Кологривцева, с которым они до войны вместе работали в Харькове. Своего коллегу Бабенко помнил всегда жизнерадостным. Неизменная улыбка во все лицо, румяные щеки балагура, известного на заводе, теперь исчезли без следа. Сейчас перед бывшим инженером-испытателем стоял ссутулившийся человек в стареньком пальто, замотанный по самые глаза шарфом ручной вязки. Ввалившиеся щеки и безмерная усталость в глазах заставили Бабенко броситься к старому знакомому и заключить его в объятия.

– Константин Палыч, ты? – Бабенко смотрел на Кологривцева, как будто хотел убедиться, что это тот самый человек. – Как ты здесь очутился? Вот уж не ожидал тебя увидеть!

– Завод эвакуировать толком не успели, но специалистов отправили по предприятиям, в тыл. Наркомат танковой промышленности так распорядился. Я попал сюда, в Саратов, на сто восьмидесятый завод, вот уже почти полгода главный инженер. А ты-то как? Ты же на фронте должен быть. Разве нет?

– Так и есть, – ответил Бабенко и развел руками. – Только застряли мы всем своим экипажем в госпитале. Я легче других отделался, а ребятам крепко досталось. Хожу, ищу, чем бы порадовать сослуживцев. Думаю, что меня выпишут раньше других, и загремлю я на передовую, разбросает нас война по разным фронтам. А ты как? Я смотрю, вам тут нисколько не легче, чем на фронте.

– Всякое бывает. Немецкие самолеты иногда прорываются к мосту. Пытались они и заводы бомбить. Работать приходится очень много, чтобы вам там, на фронте, помочь. Не все выдерживают. Почти без сна, сутками в цехах. Да и с питанием, сам понимаешь, все сложно. Квалифицированных специалистов остро не хватает. У станков стоят женщины и подростки. Многие освоили смежные специальности, хорошими рабочими стали, но мне инженеры нужны, понимаешь. Ведь решать приходится проблемы, связанные с ремонтом танков, другой техники. Да еще и текущее производство. – Кологривцев замолчал и лишь с досадой махнул рукой.

Военный комендант города вернулся в кабинет только утром, когда на улице совсем рассветло. Спать ему хотелось неимоверно. Полковник Волошин подошел к раковине в смежной с кабинетом комнате и растегнул китель. Тело чесалось так, что он готов был разодрать кожу ногтями, а еще лучше отправиться в баню, где много горячей воды и мыла, самого простого, солдатского.

Ночь была утомительной. Противник снова сбросил разведывательно-диверсионную группу. Скорее всего, врагу помогал кто-то из местных предателей, бывших кулаков.

Коменданту пришлось выезжать на операцию вместе с сотрудниками областного управления НКВД. Потом перестрелка, беготня по поселку центральной усадьбы совхоза. Майка и нательная рубаша у полковника были тогда насквозь мокрыми от пота, но сейчас уже высохли.

– Кузнецов! – крикнул комендант, и в дверь тут же просунулась голова ефрейтора из комендантской роты, исполнявшего сегодня обязанности посыльного. – Возьми мой пистолет, отдай дневальному. Пусть почистит. Вызови ко мне Слюсарева.

Ледяная вода снимала усталость и сонливость как по мановению волшебной палочки. Полковник вымыл лицо и шею, стал растирать кожу полотенцем, пахнущим не особо приятно.

– Сволочи! – вслух произнес комендант, отбросив полотенце. – Хотите нас в скотов превратить, заставить не мыться, не бриться, из последних сил с вами сражаться? Натте выкусите! Разгребу утренние дела, потом буду бриться и голову мыть. Вечером в баню пойду, пусть даже

ночью. На два часа меньше посплю, но отмоюсь. Чистое белье, белоснежный подворотничок! Я советский полковник и не позволю фашистам заставить меня опускаться!

Волошин расчесал влажные волосы, снова натянул на себя китель и уселся за стол. Бумаги целыми стопками, грудками! Как можно справляться с ними, успевать все просматривать и подписывать? Тут и снабжение, и приказы по личному составу, и много еще чего.

Кто-то думает, что командир в армии – это герой, как Чапаев, который на лихом коне с пашкой наголо. Нет, товарищи дорогие! Чем выше должность, тем больше командир превращается в хозяйственника. Да, есть у него заместители по всем вопросам, но отвечает за все только он сам, лично.

Волошин вздохнул, снова потер лицо ладонями и принялся просматривать и подписывать бумаги.

В дверь кто-то вежливо постучал.

В проеме появилось лицо помощника дежурного по комендатуре.

– Товарищ полковник, к вам лейтенант Соколов. Тот самый танкист из госпиталя, – доложил он.

– Слюсарев вернулся? – не отрывая глаз от бумаг, спросил полковник.

– Никак нет. У него там солдатик погиб во время задержания.

– Черт возьми! – Волошин, хмуро посмотрел на помощника дежурного. – У нас тут тоже война. Она по всей стране. Всюду гибнут люди. Прокляну того недоумка, который скажет потом, после нашей победы, что в тылу было легче, чем на фронте. Давай, веди лейтенанта!

Соколов вошел в кабинет коменданта и осмотрелся. Он и не думал увидеть какую-то роскошь, на фронте часто бывал у командиров полков и дивизий, а то и повыше. Там аскетизм был вполне оправдан, а этот кабинет можно было бы оформить и побогаче, с большим комфортом. Но нет, в центре помещения стоял лишь канцелярский стол, накрытый зеленым сукном со следами синих чернил. В углу примостились два кожаных кресла и небольшой столик под торшером. Несколько разномастных стульев стояли вдоль стены. Окно было до половины залеплено старыми газетами.

От этого вызова в комендатуру Алексей ничего хорошего не ждал. Наверное, кто-то из его экипажа проштрафился, нарушил режим. Командира не предупредили, не хотели расстраивать. Мол, придет сюда и все узнает.

– Товарищ полковник, лейтенант Соколов по вашему приказанию прибыл, – сухо доложил Алексей.

– Заходи, танкист, садись, – сказал комендант, поднялся из-за стола и протянул лейтенанту руку. – Вот и весь экипаж в сборе, да? Выписался?

– Прошу простить, не понял вас, – настороженно отозвался Алексей, удивленный таким радушным приемом. – Если вы про экипаж моего танка, с которым я сюда попал, то пулеметчик-радиотелеграфист еще находится на излечении в госпитале. Выписаны...

– Да, знаю, – отмахнулся полковник. – Твой наводчик и заряжающий сейчас в комендантской команде на хозработках. Механик-водитель прикомандирован пока к сто восьмидесятому заводу. Пусть поработает именно инженером, каковым он и был до войны.

– А что случилось, откуда такое решение? – осведомился Алексей.

– Ты, парень, не удивляйся, – заявил полковник. – Про то, что ты герой и танкисты твои тоже, я уже знаю. Награждали вас прямо в госпитале, да и потом люди рассказывали, как ты воюешь. Ведь с первого дня на передке, так?

– Так, но я не понимаю...

– Не комиссовали тебя потому, что командование вступилось. Не хочет оно такого командира терять. Меня просили посодействовать. Поэтому я вас и не отправляю пока с эшелоном

на фронт. Давно всех разбросали бы, а так поедете в одну часть. Но малость попозже, когда твой джигит поправится.

– Спасибо, товарищ полковник! – Соколов буквально подскочил на стуле, не веря в такое везение.

– Ты особо не радуйся, – сказал полковник и хитро прищурился. – Думаешь, я за спасибо, безвозмездно все делаю? Вовсе нет. У меня, брат, своих проблем выше головы. Вот я вами и воспользуюсь, пока есть такая возможность. Мне опытные фронтовики вот как нужны! – В подтверждение правоты своих слов Волошин провел ребром ладони себе по горлу.

Алексей улыбнулся. Он уже понимал, что соглашаться при таком вот замечательном раскладе надо на все. Ничего плохого комендант ему не предложит. Даже если поставит начальником караула на гауптвахте, то и это ненадолго.

– Вот что, Соколов, – Волошин резко опустил ладонь на стол, как прессом припечатал какой-то лист бумаги. – Тебе задание – сформировать из местного населения истребительный батальон. Ты опытный командир, фронтовик, много раз участвовал в рейдах в тыл врага, в окружении был и выходил из него с честью. У тебя как раз есть тот самый опыт, который мне и нужен.

– Так что, на фронт мне не попасть теперь?

– Чудак, я же прошу тебя формированием заняться, обучением. Ты как инструктор будешь. Командовать батальоном станет кто-то из городского отдела НКВД или человек из городского партактива. Просто рук у нас не хватает. Нельзя необученных людей под пули посылать. Нужно им рассказать, как действуют враги на нашей территории, как их искать, чего они боятся. Учти, что в такие батальоны набирают мужчин, не подлежащих мобилизации. Эти подразделения следует расценивать как кадровый резерв РККА, особых частей НКВД и подразделений милиции. Все эти люди, как правило, находятся на казарменном положении, часто без отрыва от основной работы.

Дверь распахнулась, в кабинет быстрым шагом вошел командир в шинели с капитанскими шпалами на петлицах.

Погоны, введенные в Красной армии приказом от 6 января 1943 года, в тыловом Саратове пока еще были в диковинку. Тут их мало кто и видел, не говоря уже о том, чтобы носить.

– Разрешите, Сергей Демьянович?

– Ну наконец-то! – Волошин откинулся на спинку стула и сказал: – Знакомьтесь. Это лейтенант Соколов. Он будет готовить истребительный батальон. А это мой заместитель капитан Слюсарев.

Капитан пожал Алексею руку, как-то странно посмотрел на него, усмехнулся, потом прошел к стене, уселся на стул.

– Вот, значит, как. Ну, спасибо тебе, лейтенант Соколов! – с усталой улыбкой проговорил Слюсарев. – Экипаж у тебя хороший, мастерский просто. Ты знаешь, что сегодня мы задержали группу немецких диверсантов, которые шли взрывать железнодорожный мост через Волгу? Помогли нам твой танк и механик-водитель. Кто у вас там Фенимора Купера начитался, а, лейтенант? Представляете, Сергей Демьянович, они танк назвали «Зверобой».

– Мой танк? – опешил Алексей. – Как помог, что там случилось?

Вместо ответа Слюсарев громко крикнул в сторону двери:

– Герасимов! Где там наш танкист? Давай его сюда!

Дверь открылась медленно, даже как-то осторожно, и в кабинет вошел Бабенко. Одет он был в стеганые ватные штаны и телогрейку. На ногах валенки. Ни дать ни взять рабочий с соседнего завода. Увидев командира, сержант сразу заулыбался, но тут же опомнился и попытался вытянуться перед старшим по званию, как оно и положено по уставу.

– Вот он и помог нам. У меня машина застряла в снегу, там намело выше головы. Я двух бойцов отправил на лыжах вперед, а с остальными хотел напрямки, через поле и лес. А тут

ваш «Зверобой». Товарищ Бабенко очень даже вовремя оказался на той дороге, обкатывал там новый двигатель и трансмиссию. Как уж он нас заметил в поле, не знаю, видать, я сильно руками махал. На броню десятерых взял и айда по полю. Успели мы!

– У тебя кто-то из роты погиб? – спросил Волошин.

– Да, – ответил Слюсарев и сразу помрачнел. – Миша Герасимов. Один из тех двух комсомольцев, которые вызвались на лыжах идти вперед. Геройские ребята. Помогли нам, из-за них мы диверсантов и взяли. Но вот Михаил погиб. Спасибо тебе, танкист!

– Так что, «Зверобой» отремонтировали? – Соколов не верил своим ушам.

– Как новенький! – скромно отозвался Бабенко. – Башню, правда, пришлось новую ставить, расширенную, с усиленным бронированием. Трансмиссия на пять передач, гусеницы с улучшенными грунтозацепами, вентиляция в башню, дополнительный щит курсового пулемета, поручни для десанта наварили, установили командирскую башенку. Сейчас их много приходит. И немецкие, и наши, есть и экспериментальные, но они неудобные.

– Ну а теперь вот что! – заявил комендант. – До шестнадцати часов я отпускаю вас на завод. Осмотрите свой танк, примите его. Вам на нем еще воевать и воевать. На сто восьмидесятом заводе главным инженером служит земляк вашего механика-водителя. Они, кажется, в Харькове на одном заводе работали. Так, Бабенко?

– Так точно! Мы несколько лет вместе работали, – ответил танкист.

– Вот и отлично. А в шестнадцать ноль-ноль прошу ко мне, товарищ лейтенант. Будет у нас что-то вроде совещания с представителем из НКВД по поводу создания истребительного батальона. Готовьте все вопросы, какие есть. Потом задавать их будет поздно. Придет время исполнять!

Константин Павлович Кологривцев встретил на проходной завода Соколова и Бабенко. Он крепко пожал руку старому товарищу и слушал, как тот нахваливал своего ротного командира.

Алексей даже смутился немного, решил сменить тему разговора и стал расспрашивать о заводе.

– У вас хорошее оборудование. Мне Семен Михайлович рассказал о том, что вы сделали с нашим танком, – произнес он.

– Возможности цехов позволяли. Изначально профиль у завода был все же немного иной, больше уклон в энергооборудование. Но вот стали получать броневой прокат, варим теперь корпуса танков, башни. Очень много приходит поврежденных машин. Мы их восстанавливаем, чиним, улучшаем. Когда начались бои за Сталинград, много чего было эвакуировано оттуда в Саратов. Часть производства с Украины перемещена. Так вот и воюем здесь, в тылу! Хотите, устройю вам экскурсию по заводу? Может, вы мне отдадите вашего Бабенко, товарищ командир? Я договорюсь через наркомат, мне пойдут навстречу. Не хватает у меня квалифицированных инженеров, хоть режьте!

Соколов задумался, не знал, что на это ответить. С одной стороны, он понимал, что, оставаясь в тылу, Бабенко имел все шансы выжить в этой войне. С другой стороны, экипаж лишился настоящего мастера своего дела, великолепного механика-водителя. Ведь во многом он был жив еще и потому, что его спасал Бабенко своими умелыми действиями, незаурядным опытом инженера-испытателя. Но решать судьбу своего подчиненного лейтенант не брался. Принимать решение тут должен был сам Бабенко.

– Спасибо, конечно, за предложение, Константин Палыч, – с улыбкой проговорил механик-водитель. – Но я с ребятами, на фронт. Как-то сдружились мы уже, второй год в одном танке. Мне кажется, что от меня пользы в бою будет больше, чем на заводе. А вы здесь... справлялись же как-то раньше.

Снова завывала сирена, но никто из рабочих даже не повернул головы. В стороне Волги стали бить зенитки.

– К мосту? – спросил Соколов, остановившись и прислушиваясь.

– Да, – ответил Кологривцев. – В последнее время немцы стали пытаться прорываться к нему и днем, но ни разу не смогли отбомбиться. Летчики наши молодцы, перехватывают их на дальних подступах, заставляют бросать бомбы в чистом поле и улепетывать. Несколько бомб, правда, падали на территории заводов, но серьезных разрушений не причинили.

– Капитан госбезопасности Попов, – представился мужчина в армейской форме с малиновыми петлицами, поднявшись со стула и крепко пожав руку Соколову. – Давайте обсудим ваше задание. Ситуация такова. – Попов достал из кармана пачку «Казбека», вытащил из нее папиросу и принялся задумчиво разминать его пальцами. – Во время летне-осенней кампании сорок второго года абвер и Главное управление имперской безопасности Германии активизировали заброску шпионов в Поволжье. Нацелены они были на Саратовскую и Куйбышевскую области. За все время, включая и зиму сорок третьего года, выброски немецких диверсионных и разведывательных групп были зафиксированы в районах Балашова, Саратова, Пензы, Куйбышева, Сызрани и других волжских городов. Когда обстановка в районе Сталинграда осложнилась, немцы стали наращивать масштабы заброски агентуры. Аппараты местных управлений НКВД вынуждены были во все больших масштабах использовать бойцов истребительных батальонов и население. Заброска шпионов, подготовленных в разведшколах абвера, осуществлялась различными подразделениями немецкой авиации. Для этих целей нередко привлекались бомбардировочные эскадры. Самолеты, забрасывавшие разведывательно-диверсионные группы, взлетали в основном с аэродрома, расположенного в Полтаве, где находился крупный немецкий разведывательный центр.

– Это значит, что к нам в тыл фашисты забрасывают не немцев, а наших же бывших граждан, завербованных ими? – спросил Соколов.

– Именно так и получается, – ответил капитан. – Расходный материал. Учить русскому языку и правилам поведения в нашей стране – это долго и дорого. Немцев на такие операции не отправляют. Фашисты не брезгуют ничем. Среди диверсантов, задержанных нами, есть убежденные антикоммунисты, просто беспринципные авантюристы и уголовные преступники, которые вызвались стать добровольцами. Чаще всего им давались задания взрывать железнодорожные линии и наносить удары по кораблям Волжской военной флотилии, чтобы блокировать судоходство. В процессе проведения следственных мероприятий только по Саратовской области была получена информация на шестьдесят агентов немецкой разведки, переброшенных в наш тыл, и их активных пособников. В феврале этого года здесь, в Саратове, были выявлены и задержаны пять человек, остальные объявлены в розыск. На территории Балашовского, Турковского и Бакурского районов нам удалось задержать пять членов разведгруппы противника, прошедших подготовку в Полтавской диверсионной школе. Вы понимаете масштабы этой тайной войны? У немцев эта операция носит условное название «Волжский вал». Вот поэтому и принято решение о формировании дополнительных истребительных батальонов в городах и поселках. Мы должны противопоставить врагу нашу сплоченность!

Глава 3

Соколов получил три полуторки, прошедших капитальный ремонт в цехах сто восьмидесятого завода. Повышенную мобильность своего истребительного батальона, пока еще учебного, он использовал для того, чтобы поскорее закончить программу подготовки. Собственно, батальон по численности не превосходил обычную стрелковую роту. Бойцам приходилось совмещать обучение с работой на предприятиях. Когда первый взвод выезжал на машинах на полевые тактические занятия, второй с инструктором Осоавиахима занимался на стрельбище, третий же в это время находился в цехах своих заводов, в служебных конторских кабинетах.

Алексей был знаком со спецификой применения истребительных батальонов. Он учил бойцов принимать во внимание тактику действий разведывательно-диверсионных групп врага, особенности их поведения в советском тылу.

Здесь, в крупном промышленном городе действовал строгий пропускной и заградительный режим, особенно на подходах к стратегическим объектам. Поэтому движение вражеских диверсантов никак не могло быть открытым. У них наверняка не было настоящих документов, а подделки вряд ли прошли бы даже самую поверхностную проверку.

Поэтому враг будет таиться, любыми способами избегать передвижения по тем местам, где действуют комендантские патрули, можно столкнуться с милицией или просто с бдительным местным населением. Умение стрелять важно, но еще важнее находить врага, противостоять ему, задерживать. Таковы законы военного времени.

Февральская ночь была на исходе. Узкие пучки фар машин едва освещали накатанный снежник.

Соколов сидел в кабине головной полуторки и думал о том, что совсем скоро он закончит подготовку батальона и передаст его непосредственному начальнику. Омаев почти поправился, и его лечащий врач уже подумывал о выписке. Бабенко вчера рассказал, что они с ребятами навещали Руслана. У парня хорошее настроение, и он рвется на фронт.

«Не мое это все, – с неудовольствием думал лейтенант. – Я танкист, мое место в танке, на фронте. Там я могу принести большую пользу, а здесь пусть служат те, кто умеет ловить диверсантов. Это ведь забота НКВД, милиции, в конце концов».

Когда село Трещиха осталось позади, водитель машины вдруг наклонил голову, глянул куда-то вперед через лобовое стекло и заявил:

– Смотрите, товарищ лейтенант, кажись, опять зенитки бьют.

Небо западнее Саратова освещалось частыми вспышками, но звук разрывов зенитных снарядов еще не доходил до Волги. Где-то там к городу, к заводам, мосту, нефтехранилищам снова пытались прорваться вражеские самолеты.

Вдруг впереди взметнулись лучи прожекторов. Пасмурное зимнее небо рассеивало свет, будто втягивало его в низкую облачность. Резко и гулко начали бить зенитки. Это был заградительный огонь. Значит, кто-то прорвался?

– Остановись! – приказал Соколов водителю.

Когда машина качнулась, скрипнула тормозами и замерла на снежной дороге, он открыл дверь и встал одной ногой на подножку. В бинокль было хорошо видно, что на льду возле железнодорожного моста все затянул серый дым. Лейтенант не мог разглядеть берегов, самого моста, нефтехранилищ, расположенных у поселка Увек.

Это работали дымоустановщики, принадлежавшие Волжской военной флотилии. Пока река была скована льдом, эти агрегаты стояли на грузовых машинах, которые выезжали дежурить на лед. Их расчеты ежечасно получали прогноз направления и силы ветра в приземной

полосе. В этом дыму мелькали яркие вспышки выстрелов орудий и пулеметов противовоздушной обороны.

Вдруг темным крестом в небе мелькнула тень. Она тут же пропала, но ее снова цепко ухватили два прожектора, потом еще пара. Самолет менял высоту, резко ложился на крыло, пытаясь вырваться из пучков света. Прошло еще немного времени, и он с резким хлопком загорелся, шел по прямой, постепенно терял высоту. Плотный хвост дыма тянулся за хвостом машины. Потом чуть ниже ее один за другим вспухли белые купола парашютов.

– Разворачивайся! – крикнул Соколов шоферу, а сам спрыгнул с подножки в снег и стал показывать водителям других машин, чтобы они следовали за ним.

Лейтенант на ходу запрыгнул на подножку головной полуторки и внимательно, не отрываясь, смотрел на небо, где все ниже спускались три парашюта. Ветром их относило к берегу, сначала к протоке Мазутка, а затем дальше, в сторону прибрежных оврагов. Один из них все больше отдалялся от двух других. Соколов пытался прикинуть расстояние до немецких летчиков. Машину трясло на заснеженных ухабах, накатанных тракторами. Дважды он чуть было не сорвался с подножки.

– Чего вы там, товарищ лейтенант, – сквозь завывания мотора крикнул ему водитель, – остановились бы да из всех винтовок дали по ним. Кто-нибудь обязательно попал бы. Этих сволочей фашистских уничтожать надо в воздухе, пока они на нашу землю не сели да лапы не задрали. Сейчас эти гады смирные сделаются, а недавно вон какие храбрые были. У них и пушки, и пулеметы, полон самолет бомб!

– Нельзя стрелять, Чубуков! – крикнул в ответ лейтенант. – Их только живыми брать надо!

Не верилось Соколову в то, что немецкие летчики не окажут сопротивления при задержании. А в перестрелке всякое может случиться. Бойцы его истребительного батальона неопытные, в настоящем бою еще не были. За исключением нескольких человек, которые воевали в Гражданскую, на Халхин-Голе или в Финскую. Сейчас в батальоне они были командирами отделений и взводов. На этих ветеранов вполне можно было положиться. Но все же основная масса бойцов не обстреляна. Они могут с перепуга стрелять в белый свет как в копеечку.

Купола парашютов стали исчезать за деревьями.

«Меньше километра до них, – на глаз определил расстояние лейтенант. – Ночь и изрезанный рельеф искажают перспективу, но до места приземления парашютистов все равно примерно столько и будет».

Дорога перестала вилять, и вскоре капот передней машины уперся в сугроб, наметенный ветром. Ехать дальше было нельзя.

Соколов выскочил на снег и крикнул, делая соответствующий знак рукой:

– К машине! Построиться повзводно! Водителям взять оружие, принять под охрану автомобили. Взводы Корнеева и Леяного двигаются на северо-запад. Ориентир: одинокий дом на краю оврага. Старший Корнеев. Взвод Мельникова идет со мной. Приказ – взять летчиков живыми. Единственная причина, по которой в них можно и даже следует стрелять на поражение – попытка уничтожить полетные карты. Все ясно? Вопросы есть? Нет! Вперед! Мельников, за мной!

Две группы бойцов бросились в ночь. Бежать было трудно. Люди то проваливались по колёно в снег, то скользили по обледенелым участкам, спотыкались о смерзшийся кустарник. Взводы быстро растянулись на десятки метров. Не у всех хватало дыхания, многие не выдерживали такого темпа бега по пересеченной заснеженной местности.

Соколов бежал первым, сжимая в руках «ППШ», пытаясь одновременно глядеть под ноги и осматривать окрестности, чтобы не пропустить те ориентиры, по которым он определил место, куда опустился парашют немецкого летчика.

Алексей чуть было не пропустил березу с веткой, сломанной веткой у самой вершины. Еще немного, и немец смог бы выстрелить в него первым. Летчик успел собрать свой парашют и затолкать его в кусты, был готов к бою. Это чуть было не стоило лейтенанту жизни.

– Ложись! – крикнул Соколов, взмахнул рукой и первым рухнул в снег.

Бойцы послушно попадали следом за ним и стали расплзаться в поисках укрытия, как он их и учил. Всего с Соколовым до места приземления немецкого летчика успели добежать человек пятнадцать. Сейчас они лежали, с трудом переводя дыхание, радуясь этой передышке больше, чем тому, что настигли врага.

– Бросай оружие! – крикнул Соколов по-немецки. – Выходи!

В ответ сухо ударила автоматная очередь. На голову лейтенанта полетели мелкие ветки и сухая кора дерева, под которым он лежал.

Алексей вполголоса выругался и снова крикнул по-немецки:

– Сдавайся, или мы открываем огонь!

В ответ опять ударила очередь. В снегу впереди зашевелился человек. Он пытался отползти дальше по оврагу.

Командир взвода Мельников, лежавший рядом с лейтенантом, откашлялся в кулак и произнес:

– Обманкой его надо заставить патроны расстрелять, товарищ лейтенант. Не мешок же он их с собой взял в полет и не со всем запасом прыгнул. Один рожок у него, от силы, два, никак не больше.

– Ребята неопытные у нас, – сказал Алексей. – Они ведь головы под пули подставят в два счета.

– Мы втроем сделаем, – сказал Мельников, сдвигая на затылок цигейковую шапку. – Вы четвертым будете. Мы в тридцать девятом под Коннельярви так финских кукушек из укрытий выманивали.

– Ну-ка, расскажи! – заявил Соколов, понимая, что немца в его теперешнем положении взять будет сложно.

По крайней мере, быстро и без потерь этого не сделаешь. Он мог сжечь полетные карты. Допустить такое тоже было нельзя.

– Двое на расстоянии прямой видимости, метров двадцать или тридцать друг от друга, активно ползают, прикрываясь деревьями, камнями, бугорками, стреляют по очереди поверх головы противника. Главное, не подходить к нему ближе сорока метров, а то он может и гранату кинуть. Шуметь побольше и нервировать, вроде вот-вот кинемся на него. Двое обходят с боков или со спины. Это уж как местность позволяет и как получится. Уже потом, когда в кольцо возьмем, как двое сзади подойдут, то один на себя отвлекает, а другой на немца кидается. Надо кого поздоровее, чтобы хватка медвежья была. Тут важно его несколько секунд в охапке крепко держать, чтобы не вырвался, нож не достал. Как раз и остальные подспеют.

– Есть, говоришь, во взводе бывалые ребята? – покусывая губу, спросил Соколов.

Пока лейтенант, встав на колени за деревом, опять кричал немецкому летчику, чтобы тот сдавался, Мельников отобрал самых опытных бойцов и начал свое выманивание.

Приглядываясь к немцу, Алексей по его поведению понял, что тот сильно напуган. Может, этого летчика напичкали пропагандой, убедили в том, что после Сталинграда его в советском плену ждут страшные пытки или ужасная смерть? Чего он так отстреливается, куда ему бежать? Ведь из такого глубокого тыла никак невозможно прорваться к линии фронта. Или надеется на пособников-предателей? Может, верит обещаниям, что местное население, лояльное к фашистам, ему поможет?

«Вдвойне дурак! – Соколов зло усмехнулся. – Вы вообще наш народ не знаете, если такое о нас думаете и в это верите. Если бы не полетные карты, не маршруты и не расположение аэродромов, с которых вы летаете, то я с тобой нисколько не церемонился бы».

Стрельба велась со всех сторон. Бойцы истребительного батальона окружали летчика. Он начал метаться.

Соколов выкрикивал команды, опять предлагал немцу сдаться и продолжал прислушиваться. Тут всего в каких-то двухстах метрах от них началась бешеная перестрелка. Видимо, два других немца тоже не хотели поднимать руки.

Темная крупная фигура метнулась вниз. Бойцы сразу закричали, вскочили на ноги и побежали к оврагу.

Послышался довольный голос Мельникова:

– Давай, вяжи его, касатика! В морду ему дай, чтобы не сопротивлялся!

Соколов вышел из-за дерева, окликнул бойцов взвода, приказал им осмотреть местность, достать парашют и поискать, не выбросил ли чего немецкий летчик после приземления. Бойцы тычками в спину вывели его на ровное место. Руки летчика были связаны за спиной. Он со страхом смотрел на вооруженных гражданских людей.

Когда появился Соколов в военной форме, в глазах пленного появилась даже какая-то надежда. Он понял, что именно этот молодой русский командир и предлагал ему сдаться.

– Ваша фамилия, звание и номер части? – заявил Соколов по-немецки.

– Кто вы такие? – в запале выкрикнул немец. – Вы не армия, не солдаты. Вы не имеете права задавать мне вопросы и вообще братья за оружие.

– Слушай, ты! – рявкнул по-русски Соколов.

Он вдруг почувствовал, что еле сдерживается, чтобы не ударить врага или даже не пристрелить его тут же, на этом самом месте.

Летчик сразу втянул голову в плечи, испуганно глянул на русского командира. Соколов одернул шинель, взял в руки пистолет и планшет немца, которые ему протянул Мельников.

Он открыл планшет, убедился в том, что полетная карта на месте, взял себя в руки и снова заговорил по-немецки:

– Разрушая наши города, убивая мирное население, вы сами нарушили все мыслимые и немыслимые законы войны. Не мы напали на вас, а вы на нашу страну. За все то зло, которое вы причинили нашему народу, он вправе не брать вас в плен. Все советские люди могут взяться за оружие и истреблять врага, который убивает женщин, стариков и детей! Вы будете отвечать на мои вопросы или я убью вас как преступника, по законам военного времени. Ваша фамилия, звание и номер части!

Начальник штаба Волжской военной флотилии капитан первого ранга Фокин подвинул Соколову кружку с горячим чаем, откинулся на спинку стула, поправил черную флотскую шинель, накинутую на плечи.

– Давай, пей, грейся, лейтенант! – сказал он. – Мы с тобой важное дело сделали сегодня. Мои хлопцы самолет сбили, ну а ты со своими ополченцами взял летчиков живыми, карты захватил. Спасибо тебе за это.

– Один из них погиб в перестрелке, как раз пилот, – произнес Алексей, отпив глоток горячего крепкого чая. – Взяли только штурмана и стрелка-радиста.

– Карты взяли, показания пленные дают. С ними сейчас капитан Попов из управления НКВД активно работает. Говорит, надо ждать усиления активности налетов. У нас теперь есть данные о том, с каких аэродромов летают к нам гости. Самое главное состоит в том, что командование самого высокого уровня понимает наши проблемы. Ведь здесь объекты стратегические, нам их защищать надо любой ценой. Ты видел, сколько составов каждый день проходят по железнодорожному мосту? Вот то-то и оно!

– Вообще чудо, что до сих пор ни одна бомба не попала в мост, – проговорил Соколов. – И все заводы работают на оборону. Их ведь в городе много!

– Это чудо, как ты выразился, Алексей, делаем мы с тобой, наши солдаты и матросы. Я на прошлой неделе с группой товарищей в Куйбышеве был. Вызывал нас командующий войсками ПВО страны генерал Громадин. Он очень строго потребовал принять самые действенные меры, чтобы уберечь от воздушных налетов саратовский железнодорожный мост. Ведь враг не жалеет сил на то, чтобы вывести из строя этот важнейший стратегический объект. У нас бывало, что в налетах участвовали одновременно десятки бомбардировщиков. Конечно, мы стянули сюда большую часть наших катеров и других речных кораблей. Их артиллерия распределена по квадратам и включена в общую систему противовоздушной обороны моста. Знаешь, кому Громадин просил передать свою особую благодарность?

– Наверное зенитчикам, да?

– Не угадал, танкист, – сказал Фокин и ухмыльнулся. – Дымоустановщикам! Мост в хорошую погоду как на ладони с любой высоты виден. А если грамотно дым поставить, то не только моста, но и берегов не разглядишь. Сейчас, когда Волгу сковал лед, мы используем автомашины для рассредоточения дымогенераторов. А в навигацию работают катера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.